

ко потому, что жизнь, дело, душа были отданы выпрямлению изначальных, в сущности ортодоксальных, оснований, судьба великого англичанина предстает как героическое мученичество, поучительное и ныне.

Таким образом, возврат к началу — реставрация оснований средневековой культуры в очищенном от временных напластований виде обнажает болевые точки этой культуры, могущей стать иной. Остаться прежней — стать иной. И то и другое заложено в генетическом коде культуры. Высветление гомогенных оснований средневековой культуры лишь резко обозначает гетерогенность «осени средневековья», готовящегося стать Возрождением. В этом смысле ортодокс становится тождественным новатору, послушник — еретик.

Еретическое послушничество. Но именно и скорее *послушничество*, ибо сколь не опасна реставрация первичного образа, реставрируется все-таки образец, а не творится заново образ культуры.

Бесспорно, возврат к началу культуры есть также и подступ к ее концу. И в этом смысле развиваемое здесь соображение для внутрикультурных реконструкций может оказаться полезным. Но подлинное преобразование средневековой культуры в культуру иную по-прежнему остается загадкой.

Эта декларация требует, однако, доказательств, причастных к источнику, например, к *«Большому сочинению» Оксфордца*, а именно к тому его месту, где изложена методологическая программа познания (АМФ, 1, 1969, с. 862—877).

Четыре причины человеческого невежества суть: опора на недостойный авторитет, постоянство привычки, мнение несведущей толпы, прикрытие невежества показной мудростью. Отсюда доводы — это передано нам от предков, это привычно, это общепринято — оспаривать бессмысленно. Развенчание аргументации невежд должно высветлять мудрость не показную, но истинную (с. 862—863).

Как же развенчивается все это? Опять-таки ссылкой на авторитеты, а также с помощью *опыта и разума*. Внешне опровергается то же тем же: *недостойный авторитет — авторитетом иным; привычка — опытом; мнение толпы — разумом*. Но каким же все-таки иным авторитетом? *«...Неколебимым и подлинным авторитетом, который либо дан церкви божественным судом, либо в особенности порожден заслугами и достоинствами безупречных философов и превосходных пророков, которые в меру человеческих возможностей преуспели в постижении мудрости» (с. 864).* Обратите внимание: авторитет церкви, но вместе с ним и авторитет человеческий. Последний — в особенности. И все-таки авторитет. Авторитет церкви, данный божественным судом. Здесь же Бэкон ссылается на Священное писание: *«Из-за грехов народа часто воцаряется лицемер» (там же)*. Итак, *ложный авторитет должен быть заменен авторитетом истинным, ибо софистические авторитеты неразумной толпы сомнительны. Они подобны нарисованному или сделанному из камня глазу, который обладает «лишь названием глаза, а не его свойствами» (там же)*. Очевидности совпадают. Скрытые сущности диаметрально разные. Между тем власть